

Мари Лаур

ПРИСЛУЖНИЦА

УДК 82-312.9
ББК 84-445
Л28

Л28 **Лаур М.**
Прислужница / Мари Лаур – М.: Литнет, 2026. – 196 с.

ISBN 978-5-521-99161-7

**НЕЗАКОННОЕ ПОТРЕБЛЕНИЕ НАРКОТИЧЕСКИХ
СРЕДСТВ, ПСИХОТРОПНЫХ ВЕЩЕСТВ, ИХ АНАЛО-
ГОВ ПРИЧИНЯЕТ ВРЕД ЗДОРОВЬЮ, ИХ НЕЗАКОН-
НЫЙ ОБОРОТ ЗАПРЕЩЕН И ВЛЕЧЁТ УСТАНОВЛЕН-
НУЮ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОМ ОТВЕТСТВЕННОСТЬ.**

Она — Прислужница. Так называют тех, кого вампирский яд не может обратить, и потому их короткий век предназначен лишь для одного: служить источником жизненных сил для истинных вампиров.

Иву с детства готовили ко дню, когда она отправится в поместье к одной из знатных вампирских семей, но для нее это не просто судьба — это шанс. Ей просто необходимо попасть в замок Дэра фон Клиффа, ведь именно в нем несколько месяцев назад пропала ее подруга Сисан.

По слухам, еще ни одной Прислужнице не удавалось протянуть в семье фон Клиффов больше года, но Ива решается на отчаянный шаг — чтобы отомстить зверю, она шагнет прямо в его логово.

Знак информационной продукции согласно
Федеральному закону от 29.12.2010 г. № 436-ФЗ.

ISBN 978-5-521-99161-7

© Литнет, 2026
© М. Лаур, 2026

Глава 1. Прислужницы

Да не вознесется сердце мое выше доли моей, ибо избрана я не для власти, но для служения.

Наставление для Прислужницы, «Устав Крови и Покорности», глава 10

– Тс-с, кто-то идет! – шепот Мойры, резкий и полный страха, прорезал ночную тишину.

Девочки бросились от тяжелой деревянной двери врассыпную, длинные ночные сорочки мелькнули в лунном свете и тут же скрылись под выстиранными шерстяными одеялами. На кроватях, затаив дыхание, укрылись пять Прислужниц. Точнее, девочкам только предстояло ими стать.

Ива отточенным движением спрятала под матрас томик в потрепанной обложке – запретный роман из личной коллекции матушки Берингем, украденный из ее стола. Сварливая воспитательница тут же схватилась бы за розги, поймай она девочек за чтением подобной литературы, ведь настоящей Прислужнице полагалось хранить скромность и держаться поодаль от мирских страстей, но самой матушке читать греховные романы не возбранялось – по крайней мере, так считала мисс Берингем.

Ива натянула одеяло до самого подбородка и окинула взглядом пустую кровать у окна. Место Сисан. Всего два месяца назад подруга выращивала на подоконнике цветы, вышивала узорчатые салфетки, как и девочки укрывала у себя книги и свечи от матушки по ночам – а теперь ее о пребывании здесь напоминает разве что голый матрас. Так будет с каждой из них. Сисан раньше остальных получила назначение на Услужение в поместье фон Клиффов. Ив невольно сморщилась, вспомнив это имя. Слухи, разносящие-

ся по приюту и за его пределами гласили: еще ни одной Прислужнице не удалось протянуть в замке Дэра фон Клиффа больше года.

Ив видела его однажды, хозяина поместья. Их, воспитанниц приюта, привезли в столицу и отправили в ледяной церемониальный зал, – для того, чтобы они, будущие Прислужницы, воочию увидели «высшую честь», которую окажет благосклонный Создатель старшим ученицам. Ива стояла, спрятавшись за спинами толпящихся, и переминалась с ноги на ногу, когда внизу, в центре сияющего зала, появился он – Дэр фон Клифф. Он не был похож на других аристократов, чья утонченность казалась напускной. Пусть он и был молод, в его осанке, в каждом движении тела чувствовалась напряженная грация опасного животного, готовящегося к прыжку. Вьющиеся черные волосы резко контрастировали с белизной кожи, они были зачесаны назад, открывая лицо с резкими, словно высеченными из льда чертами. Но больше всего Ив запомнились его глаза. Почти прозрачные, цвета тусклого серебра, они медленно и безразлично скользили по лицам дрожащих Прислужниц. В одно из мгновений его взгляд задержался прямо на Сисан. Ива почувствовала, как сотня острых шипов вонзается ей прямо в сердце, Дэр фон Клифф не просто смотрел – он оценивал. В уголках его бескровных тонких губ дрогнула тень чего-то, что никак не могло быть улыбкой.

Подруга потупилась и опустила голову, вперившись взглядом в пол. Ива заметила, как в ее глазах заблестели слезы.

Внезапно шаги за дверью стали громче, Ива встрепенулась.

– Скорее! – прошипела Рут и дунула на свечу, сегодня хранительницей света выпало быть ей.

Тьма поглотила комнату, густая и слепая. Только слабый свет луны, пробивавшийся сквозь решетку окна, выхватывал бледные овалы лиц. Девочки сидели, не дыша, прислушиваясь к шагам за дверью. Сердце Ивы колотилось где-то в горле, отдаваясь в висках тяжелым стуком. Шаги за дверью затихли. Выдох, общий и прерывистый, пронесся по комнате.

– Кажется, ушла, – прошептала Лорелея. Даже в полумраке девочка выглядела как ангел с потемневшей фрески – белокурая, с огромными голубыми глазами, всегда слегка влажными от готовых вот-вот хлынуть слез.

– Напугала до полусмерти, – проворчала Рут и снова запалила огарок свечи. – Продолжим?

– Нет уж, хватит на сегодня, – отрезала Корина. Она сидела на своей кровати прямо и невозмутимо, словно ледяная статуя. Ее идеально гладкие белые волосы сливались с бледностью кожи. – Хватит осквернять себя мирскими глупостями.

Корина не была злобной, просто она искренне верила в свое предназначение, в заповеди Прислужниц. В то, что служить вампирам – высшая честь.

А вот у Ивы мысли об Услужении вызывали тошноту. В ее памяти на всю жизнь отпечатался тот день, когда дверь их маленькой квартир-ку в бедном районе одним ударом ноги вышибли Прислужники. Трое вооруженных до зубов мужчин в черных мантиях с металлическими нашивками на плечах ворвались в их дом, один из них приставил серебряный нож к горлу ее матери. «Мутация подтверждена, – говорит один из Прислужников. Его голос холоден, как сталь. – Девочка не может быть обращена. Она будет передана в Услужение высшим вампирам».

Ив вздрогнула, когда дверь в спальню резко распахнулась и с грохотом ударилась о стену.

В проеме, залитая желтым светом керосиновой лампы, стояла матушка Берингем. Ее тучная фигура в строгом темном платье казалась огромной. Испещренное сеткой морщин лицо искажал гнев.

– Что это здесь происходит?! – ее голос разрезал воздух, как взмах хлыста. – Откуда у вас свеча? Встали с кроватей! Живо!

Девочки вскочили с кроватей, выстроившись в линию и опустив головы. Ива почувствовала, как по спине бегут мурашки.

Матушка Берингем медленно проходилась взад-вперед, ее зоркие

глазки-бусинки шарили по всей комнате в поисках чего-нибудь запрещенного.

– Совсем скоро самый важный день в вашей никчемной человеческой жизни! День Услужения! – мисс Берингем кричала так громко, что девочки невольно вздрагивали от каждого произнесенного ей слова. – А вы что делаете? Предаетесь греховности!

Она резко выдернула из рук Рут уже погасший огарок свечи и наотмашь ударила девочку по лицу. Та вздрогнула, но не издала ни звука, лишь прижала ладонь к больному месту.

– Вы забыли, кто вы? – продолжала матушка, не обращая внимания на проступившие на глазах Рут слезы. – Вы Прислужницы! Ваша кровь – это яд и нектар одновременно. Ваша жизнь – это служение! Ваш долг – нести в себе четыре заповеди! Назовите их!

Хор голосов, дрожащих и нестройных, прозвучал в ответ.

Молчание. Мольба. Мужество. Мудрость.

– Молчание! – проревела матушка, останавливаясь перед Лорелей. – Чтобы хранить безмолвие перед лицом невзгод. Мольба – она повернулась к Рут, – чтобы молиться о милости и не разгневать господ. Мужество – ее взгляд скользнул по шраму Мойры, – чтобы достойно нести свою ношу до самого конца! И, наконец, Мудрость – матушка уставилась на Корину, и та встретила ее взгляд с почтительным, но твердым выражением, – чтобы чтить уготованный Создателем путь и никогда не сворачивать с него.

Наконец, мисс Берингем встретила взглядом с Ивой.

– А вы, кажется, забыли обо всем сразу. День Услужения – великий день! День, в который Создатель укажет вам на ваше предназначение. День, который требует тщательной подготовки. И ваша душа, и ваши помыслы должны быть кристально чисты! И, поверьте, я сделаю все, чтобы добиться от вас этой чистоты, вы не сможете опозорить меня своим недостойным поведением!

Матушка еще раз грозно обвела девочек взглядом. Ничего больше не сказав, она развернулась и вышла, захлопнув дверь. Снаружи раздался скрежет ключа, что поворачивался в замочной скважине.

Минуту девочки стояли в гробовой тишине. Первой не выдержала Рут, она шумно вдохнула и рухнула на свою кровать лицом в подушку.

– Старая карга, – раздалось приглушенное всхлипывание.

– Мисс Берингем права, – тихо сказала Корина, поправляя свое одеяло. – Мы должны быть готовы.

– Да заткнись ты! – не выдержала Рут. Она рывком села на кровати и в темноте повернула голову в сторону постели Корины. – Ты видела, что она сделала? Эта старая уродина ударила меня!

– Успокойся, иначе я позову эту старую уродину еще раз. Да, ее методы воспитания жестоки, но все это она делает ради твоего же блага! Хочешь, чтобы Создатель отправил тебя в дом к Эльверам, к этому старому извращенцу мистеру Грейвсу? Или мечтаешь оказаться следующей в особняке фон Клиффов, как Сисан?

Лорелея тихо всхлипывала, сидя на кровати и подобрав под себя ноги – она ненавидела, когда в келье хоть кто-то начинал ссору. Мойра молча подошла к ней, присела на край постели и положила руку ей на спину, легонько поглаживая.

– Забыла, что было с Сисан? – не унималась Корина. – Мы уже несколько месяцев не получали от нее вестей. Ни писем, ни оберегов, ничего!

Приличия не позволяли Прислужницам вступать друг с другом в переписку в доме господ. Да, чаще всего хозяева закрывали глаза на дополнительные записки, адресованные Прислужнице, но некоторые знатные семейства испытывали особенную тягу к истязанию хрупких смертных девушек, поэтому могли жестоко наказывать за любую оплошность. В случае, если Прислужнице не повезло с хозяевами, вместе с младшим сыном торговца она передавала подругам оберег, ведь рукоделием заниматься не возбранялось. Формально плетеный из нитей оберег означал пожелание доброго здоровья и процветания, на самом же деле свидетельствовал о том, что девочкам не следует пытаться связаться с Прислужницей ради ее же безопасности.

– Думаешь, Сисан сама виновата, что попала в дом фон Клиффов? Плохо вела себя, не была благочестивой? – Рут слишком сильно повысила голос, и девочки начали шикать на нее в страхе, что мисс Берингтон вернется. – Да этот садист сам ее выбрал! Создатель, Великое Распределение, как же! Чертовы извращенцы приходят и выбирают нас, как скот!

– О чем ты? – Ива встрепелулась, пытаясь из последних сил спасти подругу от мести Корины. – Хозяин не может выбрать Прислужницу, дом для Услужения нельзя предугадать.

– Нельзя предугадать, как же! Хочешь сказать, ты ничего не замечала? Вспомни, что происходит на балу Жатвы! Вспомни про Лауру, вспомни про Сисан, в конце концов, ты же сама говорила мне, что фон Клифф сверлил ее своими трупными глазенками!

Ив вспомнила ежегодный бал для воспитанниц, он каждый год проводился в главном зале поместья, где находился приют. Стены, обычно серые и аскетичные, в эту ночь драпировали черным бархатом, а люстры чистили до блеска. Девочек наряжали в простые, но чистые платья и заставляли разучивать танцы, до кровавых мозолей заниматься на клавесине и под страхом плети держать спину ровно, чтобы «не опорочить честь Создателя». Во время бала вампирская аристократия – мужчины и женщины с бесстрастными, но прекрасными лицами и холодными глазами – наблюдали с гостевого балкона. Их взгляды, тяжелые и пронзительные, скользили по юным фигурам, задерживаясь на самых красивых, на самых пугливых, на тех, чья кровь, казалось, пьянила даже на расстоянии. Ива видела, как Грейвс Эльвер, тучный мужчина, чье лицо было испещрено сетью древних морщин, а пальцы больше походили на когти хищной птицы, пристально следил за их подругой Лаурой. И как потом, ровно через год, Лаура, бледная как смерть, тянула свою карточку с его именем из Чаши Жребия. «Воля Создателя», – шептали тогда матушки, но в глазах некоторых из них читалась скорбь. Самые юные, кроткие и прекрасные всегда уходили к самым пожилым

и развращенным вампирам, чья жажда чистой крови порой смешивалась с другими, более изощренными пороками. Воля Создателя? Нет. Тщательно спланированная охота, прикрытая театральным действием, чтобы усмирить тех, у кого хватало ума сомневаться.

– Заткнись! – прошипела Корина. Иве казалось, что она даже в темноте видит, как покраснелось от гнева лицо блондинки. – Ты просто дура, если хочешь, чтобы Создатель тебя покарал – милости прошу, но не нужно тащить за собой и нас! Если ты произнесешь еще хоть слово я сама влеплю тебе затрещину, позабористее той, что только что дала тебе матушка!

– Слепая курица – огрызнулась Рут, но не стала продолжать перепалку.

Всхлипывания Лорелеи раздавались все отчетливее, даже Мойра перестала успокаивать ее и вернулась к себе в постель. Ива тоже легла, отвернувшись лицом к стене. Мысли об Услужении, о Сисан, о скором Дне распределения и о честности ритуала не хотели уходить из головы. Если создатель существует, то как он может быть так жесток к Прислужницам?

Она чувствовала спиной твердые углы обложки под тонким тюфяком, словно это была не книга, а раскаленный металл. Завтра их всех ждет наказание.

Впрочем, стоит ли бояться наказания тому, чье рождение уже можно считать проклятием?

Глава 2. Сисан

Жгучая боль в коленях слилась воедино с тупой болью в спине и превратилась в монотонную. Грубая тряпка с противным шлепком опускалась на мокрый каменный пол обедни, разбрызгивая грязную воду. Ива стояла на коленях и оттирала одну и ту же плитку, чувствуя, как грубое полотно фартука натирает кожу на плечах. Книгу все же нашли. Утром, пока они шли на молитву, матушка Берингем перевернула всю их келью и вытащила потрепанный томик из-под тюфяка. Наказание оказалось даже мягким: отдраить полы в обедне до блеска. Без ужина.

Ив заставила себя поднять голову, чтобы размять затекшую шею, и взгляд ее уперся в стену напротив, туда, где под самым потолком, в обрамлении закопченного золота, располагалось огромное мозаичное панно. Изображение Создателя. Первого из вампиров, прародителя расы. Его лицо, выложенное из смальты холодных оттенков, было прекрасно и беспощадно, жестокие глаза смотрели сверху вниз, пронзая душу каждого, кто оказывался в этом зале. Создатель надменно окидывал взглядом мир, который он породил.

Внезапно перед глазами всплыл другой образ. Маленькая, уютная кухня в их старом домике. Запах свежеиспеченного хлеба и сушеных трав. На стене, рядом с полкой с глиняными горшками, – маленькая, почти игрушечная бумажная иконка. Тот же Создатель. Тот же гордый профиль. Но тогда, в детстве, он совсем не вызывал трепета и страха.

– Смотри, Ивочка, – голос мамы звенит, как колокольчик. – Движения должны быть плавными, как танец. Иначе вода разольется во все стороны, и мы будем мокрыми, как утята.

Ива старательно пытается водить тяжелой, непослушной для ее детских рук шваброй по полу, но получают лишь неуклюжие